





Издательство АСТ
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Мария Станкевич	
Ходят	9
Вера Филенко	
Скажите сыр	13
Макс Фрай	
День, когда мы убили всех толстых	28
Лея Любомирская	
Лусия	35
Заказывать будете	42
Успела	45
Сеньор Луис	47
Уж как-нибудь	50
На четвёртом этаже	54
Бабуля Леонильда	57
Очередь	61
Бывает в жизни рыба	63
Коробочка	67
Слёток Сильверий	70
Никого	73
Это я, Господи	79
Ася Датнова	
Колонизация	86

Татьяна Замировская	
Хлорофилл	89
Благословлены иметь тебя в своей жизни.	99
Три один один	117
Новый фильтр	129
Оздоровительная гимнастика	138
И жизнь прожить, и поле перейти	145
Екатерина Перченкова	
Светлый.	153
Александр Шуйский	
Другие глаза	171
Какова вероятность	175
Круговорот	178
Лора Белоиван	
Штормовое предупреждение.	181
Сюрприз	210
Александра Зволинская	
Пульс есть.	220
Не отвечайте ему	228
Как сюда добраться	237
Ольга Березина	
Моя идеальная сеть	242
Ноги.	262
Юлия Ткачева	
Коробка.	277
ПТСР.	280
Дежурство	283
Сосиска	288
Бабушки	291
Сергей Кашавцев	
Новогоднее обращение	296

Кэти Тренд

Кто в заливе живёт	311
Обмен	318
Викинг с волчьей головой	324
Кукушкины слёзки	334
Нет преград	344
Мы с водой	351
Закрой глаза, открой глаза	360
Раскрывающая коробка синнабонов	368
Старый приёмник	377

Нина Хеймец

Гай цалмавет	389
------------------------	-----

Яна Листьева

Четверо	395
Курица Необъятного	398
То же самое	408
Слоёный пирог	416
Неколыбельная	419
Сошью себе пальто	420
Элизабет, Лиззи, Бетси и Бесс	423
Требуется ночной почтальон	432
ЗОЖ	447
Совсем рядом	451
Туман	457
Те, кто придёт после нас	462
Как мне быть	471
Правила игры в человека	478

МАРИЯ СТАНКЕВИЧ

ХОДЯТ

— Ходят тут, и ходят, и ходят. Чего ходят? Зачем ходят? Окаянные, ходят они. Судят они.

Руки у бабки сухие, жилистые, а живот большой. И грудь на этом животе лежала тоже огромная, тугая и даже не колыхалась, когда бабка напирала на лопату и всаживала ее во влажную тяжелую землю — хэкала, набирала и отбрасывала комья. Матвей бы так не смог, он слабый.

— И ходят, и ходят. Чего ходят? — бабка ворчала не зло, больше по привычке. Матвей висел на заборе, следил, как лопата вгрызается в землю бабкиными стараниями, и просто ждал: когда бабка закончит, она пойдет готовить обед и накормит его. Самого его к готовке бабка не подпускала, он суерукий.

Земля летела с лопаты, получался холмик, а под лопатой — яма. Матвей смотрел молча, с тихим интересом. Бабка ворчала, холмик рос. Большой черный мешок, обвязанный веревкой, вяло шевелился и мычал. Из небольшой прорехи торчало перо — белое, длинное. Наверное, мягкое.

— Ходят, и ходят, и ходят, — бабка воткнула лопату в холмик и устало сплюнула. Матвей сплюнул тоже. Украдкой — на удачу. Ему бабка плевать не разрешала.

Мешок заколыхался, замычал громче. Бабка сплюнула еще раз, потом достала из кармана самокрутку, долго разминала ее, долго шуршала спичечным коробком. Матвей смотрел, как трясутся ее пальцы, но помощь не предлагал. Куда ему — к спичкам.

Закурив, бабка легонько пнула мешок: молчи уж, ходит он тут, мычит. Матвей тоже хотел бы пнуть, он на секунду представил, как это приятно, когда нога входит в мягкое. Но о таком даже заикнуться невозможно, бабка быстро расскажет, какой еще он после этого. Хорошо, если в подвал не посадит, чтобы подумал.

Да и не сможет он. Слабый и суерукий. И еще какой-нибудь.

Матвей оглядел поле, сосчитал, сколько раз бабка рыла ямы. Много, штук шесть или восемь. Это если не считать самой большой ямы на дальнем краю, куда сбрасывала тех, кто попроще, кто и до забора-то добраться не сумел. Там уж без мешков даже. Интересно, у тех тоже перья? Или так? Матвей не видел, бабка туда соваться строго-настро-го запреща-ла.

Бабка бросила окурок в яму и потянулась к мешку. Жалко, что перья не разрешает брать, все собирает потом и жжет тщатель-но. А Матвею бы пригодились. Смастерил бы что-нибудь, а то скучно.

— Ох, грехи наши тяжкие, — обеими руками бабка схватила извивающийся и мычащий мешок за угол и с трудом подтащила его к яме. Остановилась, отдышалась и сбросила мешок вниз двумя тяжелыми пинками (Матвей еще раз сладко представил). Затем снова взялась за лопату.

Когда яма перестала быть ямой и стала просто участком слегка взрыхленной земли, а бабка потянулась в карман за новой самокруткой, Матвей рискнул.

— Б-баб, а эт-то к-кто? Опять, д-да? — глупые вопросы, сейчас бабка как ответит! Но как удержаться?

— Да а кто ж, балбес ты этакий! Опять, ясное дело! Ходят они, судят они! — бабка тяжело дышала, выпуская дым. Матвей сначала обрадовался, что не ругается, а потом быстро испугался: чего так, вдруг помирает? Старая ж уже совсем, трудно ей с лопатой, а эти все ходят и ходят. Бабка иногда говорила: вот помру, Матвеюшка, один совсем останешься. Матвей не хотел оставаться один. Он и так один, кроме бабки и нет никого. Как Судный день прошел, так и нет больше. Кто его защитит от вечных мук? Он же слабый.

— Б-баб, ты в-в п-порядке?

— В порядке, Матвеюшка, в порядке, — бабка закашлялась, отхаркнула. Махнула рукой. — Сейчас докурю, обед пойдем споровим. Чего хочешь?

Матвей пожал плечами: как будто выбор большой. Мука с лебедой, да лебеда с мукой. Если только вдруг мышь не попалась. Вчера не попалась. И позавчера тоже. А вдруг сегодня? Встрепенувшись и тотчас же забыв про перья, Матвей криво, но резво прыгнул с забора и заковылял к дому — проверить мышеловки. Бабка только охнула вслед: куда сигать?! Ноги переломаешь! Матвей даже не оглянулся. Суерукий суеруким, а мыши в его ловушки нет-нет, да и попадают.

Жалко, бабка ангелов есть не хочет. Надрывается, закапывает, а есть не хочет. Не по-христиански, говорит. А что они за ними все ходят и ходят — по-христиански, что ли? Если Судный день прошел, так все, что ли? И не живи никто? Жалко, Матвей слабый, а то он бы этих ангелов! Уж, поди, мясо будет не хуже мышьего.

Мышь, впрочем, тоже оказалось ничего. Повезло сегодня.

ВЕРА ФИЛЕНКО

СКАЖИТЕ СЫР

— о блядь, нет, пожалуйста, — тихо сказал ян, всматриваясь в окно. кира недоуменно посмотрела на него, потянула дверь на себя и решительно вошла в одиноко стоящий в тупике магазинчик с вывеской «своя еда». внутри отчетливо пахло краской и козлом.

— кого я вижу! какие люди! — радостно закричал седой здоровяк в белом фартуке за прилавком.

— о блядь, — одними губами сказала кира и лучезарно улыбнулась: — добрый день!

мужчина довольно резво для своего возраста выскочил из-за прилавка и пошел на яна с рукой, вскинутой, как алебарда, точно целясь ему в живот. ян ловко перехватил ладонь и ответил на энергичное пожатие.

— какими судьбами, соседи? далеко вас занесло от дома, — здоровяк улыбался так, что казалось, будто его губы сейчас сомкнутся у него на затылке, и голова отвалится, как срезанная верхушка арбуза.

— да уж, — сказал ян. кира закашлялась и принялась изучать содержимое витрин. из подсобки за прилавок вышла рыжая тощая женщина в таком же, как на старике, белом фартуке.

— ого, — сказала женщина, — привет.

— липа, доча, покажи ребятам, что у нас есть, — сказал мужчина.

липа отодвинула стеклянную полку и запустила в холодильник руку, пальцем указывая на лоснящиеся под желтым светом головы сыра и творожные развалины.

— тут у нас свежие сыры, есть твердые, есть валансе, сент-мор-де-турен, шевр, есть раклет, а вот творог...

кира зачарованно следила за движениями пухлого пальца с коротким красным ногтем.

«беда», подумал ян, вслух светски спросил:

— давно открылись?

— да вот на днях, только ремонт закончили.

ян осмотрелся по сторонам: крохотное помещение, несколько полок, заставленных затейливой бакалеей, хлебные корзины, ящики с ягодами и зеленью и ослепительно сияющий алтарь молочной витрины.

— все свежее, от местных фермеров и ремесленников, без всякой химии, натуральное, все свое, наше, — гордо сказал старик.

— отважно вы сейчас бизнес затеяли, — сказал ян, — да еще в таком медвежьем углу.

— кому надо — найдет, — развел руками мужчина. — и потом, все равно все не уедут. а вы сами как, пока не собираетесь? вы, кстати, кем работаете? что-то с компьютерами, кажется?

— дай денег, — сказала кира.

ян молча полез в карман и сунул кире кошелек.

— терминал еще не работает, — сказала липа и протянула увесистый коричневый пакет через прилавок.

— а вы себе ничего не возьмете? — спросил старик. — мясо у нас тоже есть, — и пристально посмотрел яну в глаза.

— не сегодня, — сказал ян, — нам пора.

— жаль, жаль, — сказал мужчина, — соне от артура привет.

ян вышел на улицу, закурил. за ним вышла кира, осторожно прижимая к груди бумажный пакет.

— у него такие глаза странные, — сказала кира. — как у рыбы. и сами они странные.

— странные-странные, но нагребла ты у них от души, — кисло сказал ян.

— ну, сыр-то нормально выглядит, — обиделась кира.

— посмотрим, — сказал ян. — поехали.

едва усевшись на сиденье, кира принялась шуршать пакетом.

— не ешь в машине, пожалуйста, — сказал ян.

— што это жа имена вообще — лыпа! майк! да ему сто лет, какой он майк, — сказала кира с набитым ртом.

ян покосился на жену: подол юбки уже усыпан крошками, жирные пальцы тычут в кнопки магнитолы.

— сыр, кстати, правда нормальный — хочешь?

ян покачал головой и протянул кире салфетки.

по городу ехали мучительно долго, припарковались во дворе, где свирепо орали дети, бегая друг за другом с мокрыми палками, выловили из чумазой кучи дочь соню и наконец зашли домой.

на этаже сокрушительно пахло вареной свиньей.

— до сих пор воняет, — зажала нос соня, — что они там опять готовят?